

SUDBURY VALLEY SCHOOL (ОТРЫВОК)

Эти тексты были написаны работниками различных школ Sudbury, и дают довольно полное представление о философии и практики Sudbury school.

Скотт Грей

Sudbury Valley School существует более 30 лет. Многие другие школы в нашей стране (США) и за ее пределами видят успех нашей школы и перенимают нашу модель. Школа принимает детей с 4 лет и выдает свидетельство об окончании High School. Это частная школа, она существует на школьные деньги, без дотаций и пожертвований. Наблюдения показывают, что они во всех отношениях «успешны»; большинство из них нашли желаемую работу или поступили в колледж, у большинства хороший доход, и — что по-моему мнению лучшее определение успеха — большинство из них — счастливые люди. Здание школы — красивая викторианская вилла на территории в 4 гектара. Она оборудована как квартира, с диванами, удобными стульями, книгами на виду (а не спрятанными в библиотеке) и т.д. Пространство школы хорошо приспособлено для спорта и игр. Школа предоставляет различные возможности для деятельности: музыкальная комната, комната для искусства, скоростной доступ к интернету, фортепьяно, стереоустановка, пруд, где можно ловить рыбу, много компьютеров и т.д.

Ученики (минимальный возраст — 4 года) в течение дня могут делать, что они хотят, придерживаясь при этом школьных правил (о них позже). Территория школы «открыта» и большинство учеников приходят и уходят, когда хотят, им не нужно спрашивать разрешения администрации школы. Никого не принуждают принимать участие в занятиях, уроки проводятся редко и имеют мало общего с уроками в обычном понимании. Нет никаких контрольных и оценок. Ученики и сотрудники(учителя) равноправны во всех смыслах. Ученики и сотрудники обращаются к друг другу по имени, и отношения между учениками и сотрудниками мало отличаются от отношений между самими учениками. Школа демократически управляется School Meeting (школьное собрание). School Meeting проводится еженедельно и состоит из учеников и сотрудников (при этом у каждого есть право голоса). School Meeting решает все важные вопросы: Оно выбирает из своих рядов ответственных за вопросы управления (не делается разницы между учениками и сотрудниками при выборе на должность), устанавливает школьные правила (которые реализуются юридическим комитетом), осуществляет платежи, предлагает годовой бюджет на рассмотрение School Assembly, принимает на работу сотрудников, увольняет,

принимает на следующий год (сотрудники избираются на 1 год) и т.д.

School Assembly собирается раз в год и состоит из учеников, сотрудников и родителей учеников (т.к. большинство родителей оплачивает школу, представляется справедливым, дать им право голоса при использовании их денег). School Assembly утверждает бюджет, предложенный School Meeting. Он содержит сумму школьных денег, зарплату сотрудников. Кроме того Assembly голосует, дать ли ученикам, которые этого хотят, свидетельство об окончании школы. Assembly – это орган, который устанавливает основные цели и планы школы.

Внутри школы правила реализуются юридической (или юстиционной?) системой, которая в течение 30 последних лет много раз изменялась. В своем нынешнем виде это прежде всего юридический комитет. Он состоит из 2 членов президиума, которые выбираются каждые 2 месяца (до сих пор постоянно ученики), каждый месяц 5 наугад выбранных учеников, 1 сотрудник, который выбирается на один день. Юридический комитет рассматривает жалобы о нарушении школьных правил и иногда предъявляет обвинение. Если юридический комитет предъявляет кому-то обвинение, а он с ним не согласен, они переходят к переговорам. Если он признается виновным, юридический комитет обдумывает наказание. Если обвиняемый считает наказание нечестным, оно выносится на School Meeting.

Все члены School Meeting равны перед законом. Факт, в первый раз наказание было вынесено сотруднику школы. Обычные виды наказания такие как «2 дня не разрешается быть снаружи», «неделю не разрешается ходить на верхний этаж» и т.д. Одной демократии недостаточно для создания счастливого стабильного общества. Доказательство тому – измученное восстаниями Древнегреческое государство. Также важно соблюдение личных прав и свобод. Как таковые наша школа гарантирует свободы, которые гарантирует Bill of Rights; обычно ученикам в американском обществе не допускается свобода слова или религиозного вероисповедания. (родитель может принудить ребенка к «воскресной школе»), свобода собраний (в традиционной школе ученик без разрешения учителя не может покинуть свое место, чтобы пойти в туалет) и т.д.

□ □ ОБРАТНО К ОСНОВАМ

Даниэль Гринберг □

Для чего люди ходят в школу? □

Для людей, которые привыкли важные в жизни вопросы обдумывать самостоятельно, Sudbury Valey представляет настоящий вызов обычным ответам.

Интеллектуальные основы □

Первая мысль, которая приходит в голову: «Мы приходим в школу, чтобы учиться.» Это

интеллектуальная цель. Она предшествует всем остальным целям. Так сильно, что «получать образование» используется как синоним «учиться» - немного узко понято, но приоритеты проясняет.

Тогда почему люди не учат в школе больше? Откуда все эти жалобы? Для чего безграничные траты денег и сил, если постоянно происходит марш на месте, и о прогрессе нет и речи?

Ответ пугающе прост. Школы на сегодняшний день – инстанции, в которых под «учебой» понимается «подвергаться обучению». Люди должны чему-нибудь научиться? Обучай их! – Они должны учиться больше? Обучай их больше! И больше! Заставь их сильнее работать! Заставь их дольше тренироваться!

Но учеба – это процесс, который человек осуществляет сам, а не подвергается ему. Это относится ко всем людям. Это элементарно.

Как получается, что люди учатся? Станный вопрос. Более 2000 лет назад Аристотель начал свою важнейшую книгу с известного ответа «Человек от природы любопытен.»

Декарт сформулировал немного по другому: «Я живу, значит существую.» Учиться, думать, активно использовать свой мозг – это суть человека. Это естественно.

Это даже важнее других инстинктов – голод, жажда, секс. Если что-то притягивает, то человек забывает об остальных инстинктах, так надолго, пока они не начнут превосходить. Как уже давно известно, даже у крыс тоже самое.

Кому может прийти в голову идея, принудить человека к еде, питью или сексу? (я не говорю о людях с психическими дефицитами, которые находятся под наблюдением).

Никто не сует лицо человека каждый час в миску, полную еды, чтобы удостовериться, что он ест, никто не запирает людей на 8 часов в день, чтобы удостовериться, что они спариваются.

Это звучит смешно? Тогда насколько смешнее принуждать людей к тому, чего они хотят больше всего остального – и что абсолютно естественно! И каждый знает, как выражено это превосходящее все любопытство. Все книги о детском воспитании предпринимают большие усилия, объясняя родителям, от чего им нужно удержать их детей – особенно как только они начинают ходить. Мы не стоим над душой у наших детей и не принуждаем их изучать их окружение. Напротив, мы беспокоимся, когда они ставят дом вверх дном; мы пытаемся их привязать и затолкать в кровать. И чем старше они становятся, чем больше они «устраивают». Ты когда нибудь общался с десятилетним? Или с тинейджером?

Люди ходят в школу, чтобы учиться. Для учебы нужно, чтобы их оставили в покое и чтобы у них было время. Когда им нужна помощь, она должна быть предоставлена – если мы хотим, чтобы учеба шла своим естественным путем. Но осторожно: Если кто нибудь решительно настроен учиться, он сможет преодолеть все препятствия и выучиться несмотря не на что. Не нужно постоянно помогать; помощь лишь слегка убыстряет процесс. Преодолевать препятствия – при учебе главный вид активности. Не мешает оставить некоторые.

Если кто-то давит, если кто-то настаивает, чтобы человек прервал естественное обучение и вместо этого учился с 9 до 9.50 и с 10 до 10.50 и т.д. , то как бы тебе не хотелось, он не только ни научится вещам, которые его интересуют, но будет ненавидеть тебя и все, что ты ему навяжешь. И он потеряет все желание к учебе, по крайней мере временно.

Когда ты думаешь об обычных школах, просто представь, что шпинат, молоко и морковь

(все эти «хорошие вещи») учитель запихивал бы каждому ученику в горло с помощью большой палки.

Sudbury Valley оставляет своих учеников в покое. Пауза. Никаких нет. Никаких исключений. Если нас просят, мы помогаем, если можем. Мы не вмешиваемся. В первую очередь люди приходят для учебы. И именно это они делают – каждый день, целыми днями.

Профессиональные основы

Следующая за «учением» тема - неприятная обязанность «ходить в школу».

Большинству людей достаточно безразлично, как и сколько они или их дети учат в школе, пока они в состоянии сделать хорошую карьеру - найти хорошую работу. Это означает деньги, статус, подъем. Чем лучше полученная работа, тем лучше была школа. Это основание, почему Phillips Andover или Harvard так высоко признаны. Студенты Гарварда могут работать по любой профессии. За что они благодарны и когда они становятся старше, они это показывают, посвящая лучшее новым студентам и жертвуя Гарварду большие суммы. В Yale, Dartmouth и во всех других то же самое.

Какой вид школы сегодня, в конце 20 века, лучше всего подходит, чтобы подготовить ученика для хорошей карьеры?

Ответ не труден. Все об этом пишут. Учеников ждет постиндустриальный век, век информации, век сферы услуг, век силы воображения, творчества и предприимчивости. Будущее принадлежит людям, которые в состоянии решать проблемы, организовывать, работать с новыми материалами, идеями и фактами. Подобных видов деятельности в обычных школах нет, даже во внеурочное время, не говоря об учебном.

В большой степени «учебный план» Sudbury Valley состоит только из таких занятий. Это звучит слишком необычно? Для неискушенного уха – может быть. Но история и опыт подтверждают нашу модель. Как иначе можно объяснить факт, что все наши выпускники, которые хотят продолжить образование в колледже или в Graduate School – все без исключения поступают в выбранное ими заведение. Без экзаменационного листа, протоколов, устных или письменных рекомендаций. Что видят экзаменаторы в колледже в этих учениках? Почему их принимают, их даже разрывают? Почему опытные люди, которые плавают в отличных аттестатах, горящих рекомендательных письмах, почему они берут выпускников Sudbury Valley?

Конечно ты знаешь ответ, хотя в нем и трудно признаться; он слишком отличается от наших привычных представлений: Эти тренированные профессионалы узнают в наших учениках радостные, заинтересованные, уверенные в себе творческие головы – мечта каждого колледжа и университета.

Перечисление говорит за себя. Наши ученики становятся врачами, танцорами, музыкантами, предпринимателями, артистами, учеными, писателями, автомеханиками, рабочими... Ты можешь встретить их, где захочешь.

Если сегодня ко мне кто-нибудь придет и спросит: «В какую школу мне записать ребенка, чтобы я был уверен, что у него наилучшие шансы работать по профессии его мечты?», то я бы без промедления ответил: «Sudbury Valley для этой цели – лучшая школа в стране.» К сожалению, сейчас это единственный тип школы, которая решает эту

задачу и ориентирована на будущее.

Sudbury Valley подставила лоб будущему и стала успешной. Нет более необходимости рыться в прошлом.

Этические основы

Сейчас мы подходим к чувствительной теме. «Школы должны выпускать хороших людей». Это довольно обще. Конечно, никто не хочет, чтобы школы выпускали плохих людей.

Как сделать людей хорошими? Это крюк. Я рискну утверждать, что никто по-настоящему не знает ответа, по-крайней мере никто, кого я видел. Но у нас есть какие-то представления об этом. Мы знаем из опыта, что является главным ингредиентом для этических действий – ингредиент, без которого действия в лучшем случае аморальны, в худшем – порочны.

Эта составляющая часть – личная ответственность.

Ее предполагает любое этическое поведение. Чтобы быть этичным, нужно быть в состоянии выбрать свой путь и принять полную ответственность за решение и его последствия. Не стоит принимать на себя роль пассивного инструмента судьбы, Бога, других людей или вышестоящих властей. Это может привести к тому, что все различия между добром и злом потеряют смысл и содержание. Глина, из которой сделан красивая ваза, не имеет права предъявлять претензии на то, что она является причиной красоты этой вазы.

Этика исходит из основной идеи, что человек отвечает за свои поступки. Это факт. Школы не могут этого изменить, но они могут признавать это или отрицать.

К сожалению, сегодня практически все школы выбирают отрицание того, что ученики лично ответственны за свои действия – даже если директора этих школ клянутся в обратном. Отрицание происходит тройным путем: школы не позволяют ученикам полностью самим определять порядок действий, они не позволяют ученикам идти по выбранному пути. Свобода выбора, свобода действий, свобода нести ответственность за эти действия – это три большие свободы, составляющие личную ответственность. Известно, что в школе практикуется ограничение свобод выбора и действия. Но удивительно, что школа ограничивает свободу нести ответственность за свои поступки? По логике этого не должно быть. Ведь основным принципом современной педагогики стало, что психике ученика наносится вред, когда она натывается на сочетание отказа и неудач. «Успех ведет к успеху», ободрять, не сбивать с ног, избегать разочаровывающих суждений; перечисление можно продолжить.

Что наши школы известны не за этическое воспитание, не удивительно. Свое бессилие они извиняют тем, что ценности должны передаваться родителями, что верно, но не означает, что в школе этого совсем не должно быть.

Обратно к основам. В школе Sudbury Valley каждый сам несет за себя ответственность. Ответственность универсальна, всегда в настоящий момент, реальна. Если у тебя есть сомнения, загляни в нашу школу! Посмотри, что делают ученики. Изучи юридическую систему. Посети заключительное собрание, где ученик должен доказать другим ученикам, что в обществе он будет так же ответственен за себя, как и в школе.

Sudbury Valley выпускает хороших людей? Я думаю, да. И плохих тоже. Но как хорошие

так и плохие приняли ответственность за свои поступки. Это то, что характеризует Sudbury Valley.

Социальные основы

Некоторое время назад вошло в моду, обращать в школах внимание на социальную приспособленность. Рассказывать, как лучше поступать, чтобы освободить наше общество от социальных столкновений с помощью влияния на школьников. Сколько людей старательно писали доклады о своей собственной социальной приспособленности и приспособленности их детей или ее отсутствии! Не странно ли, какие неудачи люди терпят в некоторых делах? Я имею ввиду, пожелать социализировать людей уже достаточно трудно; у школы в этом вопросе регулярные провалы.

Возьмем разделение по возрасту. Какой гений осмотрелся и решил, что есть смысл строго разграничить людей по возрасту? Такое разделение существует где-либо в природе? На производстве все 21-летние работают отдельно от 20-летних или 23-летних? В мире бизнеса разные офисы для 30-летних и 31-летних сотрудников? На детских площадках двухлетние, трехлетние и однолетние играют отдельно? Где, где на Земле это придумали? Если что-нибудь социально вредное, чем сортировать детей от 14 до 18 лет?

Или глубокая пропасть между взрослыми и детьми – ты наблюдал, как распространено у детей не смотреть в глаза взрослым?

Посмотрим на ситуацию, которая была создана для детей внутри их возрастной группы. Если школы делают невозможными нормальные отношения между 12-летними, 13-летними, 14-летними, взрослыми и т.д., какими будут отношения 12-летних между собой?

Ничуть не лучше. Главная, почти исключительная форма отношений, которая культивируется среди школьников школой – конкуренция! Безпощадное соревнование! На первом месте сортировка. Кто лучше, сообразительнее, быстрее, больше, красивее – и конечно: кто меньше, глупее, медленнее, меньше, некрасивее?

Если бы кто-нибудь придумал систему, которая продуцирует конкуренцию, неприязнь, неуверенность, параню и социальные непонимания, сегодняшние школы были бы ее воплощением.

Обратно к основам. В реальной жизни сотрудничество – важнейший социальный признак стабильного, здорового общества. В реальном мире важнейшая соревновательная форма – с самим собой, за цели, который сам себе поставил, чтобы двигаться вперед. В реальном мире конкуренция между людьми ради их самих бессмысленна и деструктивна – даже в больших концертах и в спорте.

В реальном мире – и в Sudbury Valley, в школе для реального мира.

Политические основы.

Мы считаем самособой разумеющимся, что школы должны благоприятствовать воспитанию хороших граждан. Образование в этой стране всегда обращало особое внимание на то, чтобы делать из нас хороших американцев.

Мы все знаем, какие ценности отстаивает Америка. Наши отцы основатели ясно изложили основные принципы. И с того времени их постоянно развивали.

Эта страна – демократическая республика. Нет царя, двора, дворянства, установленной иерархии, диктатора. Есть правительство народа, посредством народа и для народа. Политические вопросы решаются большинством.

Эта страна – страна закона. Нет вероломного правителя, вздорного правительства, которое то дает, то отнимает. Есть общественно-правовые процедуры.

В этой стране люди имеют права от рождения. Для наших предков эти права значили так много, что они отказались подписать конституцию без каталога основных прав, который тут же был добавлен.

Со всеми этими знаниями мы могли бы ожидать – даже настаивать на том, что школы, если они хотят научить учеников приносить пользу для политического и общественного развития Америки, должны иметь следующие качества:

- *быть демократичной, а не автократичной,*
- *управляться с помощью ясных правил и на правовой основе,*
- *быть защитником личных прав учеников.*

Ученик, который растет в школе с такими признаками был бы в состоянии быть конструктивным членом общества.

В действительности в школах бросается в глаза отсутствие этих трех центральных американских ценностей.

Они автократичны – все, включая так называемые прогрессивные школы.

Им не хватает ясных основополагающих линий. Осуществление правовых процедур, как бывает с обвиненными нарушителями правил, для них совершенно неизвестно.

Они не признают права несовершеннолетних.

Во всех - кроме Sudbury Valley, которая построена на этих трех принципах.

Я думаю, можно уверенно сказать, что индивидуальные свободы, которые так ценили наши предки и последующие поколения, никому не гарантированы, пока в школе наши дети не найдут окружение, которое воплощает эти американские истины, как раз в решающие годы, когда формируются их умы и дух.

Sudbury Valley была основана в 1968 году людьми, которые интенсивно думали о школах, какими они должны быть, что важно в образовании будущего.

Мы вернулись к основам; и мы остались им верны. И эти основы мы берегли от всех посягательств как зеницу ока. И наши последователи будут их охранять. Интеллект, творчество, профессиональное мастерство, личная ответственность, общественная терпимость, политическая свобода – все это лучшие творения человеческого духа. Они – нежные соцветья, которым нужен настойчивый уход.

Все, кто связан с Sudbury Valley, горды быть причастными к этому уходу.

НАКОНЕЦ-ТО СВОБОДНЫ

Даниэль Гринберг

Глава 1.**МАТЕМАТИКА**

Передо мной сидела дюжина мальчиков и девочек между 9 и 12 годами. Неделю назад они попросили меня научить их математике. Они хотели научиться сложению, вычитанию, умножению, делению и всему остальному.

Вы же не хотите этого по-настоящему, - сказал я, когда они спросили в первый раз.

Мы хотим, конечно, мы точно хотим, - ответили они.

Я оставался при своем: Вряд ли. Наверно этого захотели ваши друзья по соседству, ваши родители или ваши родственники, поэтому вы просите, но сами вы охотнее пошли бы играть или еще что-нибудь.

Мы знаем, чего мы хотим, и мы хотим учиться математике. Учи нас, и мы докажем. Мы будем делать все домашние задания и работать упорно, как только сможем.

Хотя я и был настроен скептически, я должен был уступить. Я знал, что в обычной школе на математику отводилось 6 лет, и я был уверен, что их интерес через несколько месяцев пройдет. Но у меня не было выбора. Они на этом настояли.

Меня ожидал сюрприз.

Самой большой проблемой для меня было найти учебник, который я бы мог использовать как направление. Когда-то я участвовал в развитии «Новой Математики» и тут начал ее ненавидеть. Тогда, когда мы над ней работали, у нас практически не было сомнений – молодые ученые во времена президентства Кеннеди и успеха русского спутника. Мы были поглощены красотой абстрактной логики, учения о количествах, теорией чисел и всеми теми экзотическими играми, в которые математики играют столетиями. Если бы нас попросили, составить курс сельского хозяйства, мы бы начали с химии, генетики и микробиологии. Но голодающим этого мира повезло, что нам такого не поручили.

Я начал ненавидеть заумность «Новой Математики». Ни один из ста человек не понимал, о чем речь и ни один из тысячи учеников. Людям нужна была математика для счета и оценок; они хотели пользоваться ей как вспомогательным средством. И мои ученики сейчас хотели того же.

В нашей библиотеке я нашел книгу, которая отлично для этого подходила. Брошюра по математике 1898 года. Маленькая, толстенькая, с тысячами заданий, чтобы тренировать юные умы в быстром и правильном решении задач.

Урок начался в назначенное время. Это было частью договоренности. «Вы говорите, что вы серьезно настроены?» - спросил я, бросая им вызов. «Тогда я жду вас точно в 11 каждый вторник и четверг. Если вы опоздаете на 5 минут, урок не состоится. Если вы два раза пропустите, больше занятий не будет.» «Договорились», - сказали они с блеском радости в глазах.

Основы сложения длились два занятия. Они учились складывать все возможное. Они решали дюжины задач. Узкие длинные столбики, широкие короткие столбики, длинные

толстые столбики. На вычитание понадобилось еще два урока.

Потом началось умножение и «единождыюдин». «Единождыюдин» все должны были выучить наизусть. Каждого снова и снова спрашивали. Потом были правила и упражнения.

Они были в восторге, все до единого. Они двигались вперед, овладевали всеми техниками и алгоритмами: они могли чувствовать, как материал проникает в их головы. И они снова приходили, каждый из них. Когда нужно, они помогали друг другу, чтобы учебный процесс мог продвигаться. 12-летние и 9-летние, львы и ягнята, они мирно сидели вместе в гармоничном сотрудничестве – никаких обид, никакого стыда.*

Деление – письменное деление. Дроби. Десятичные дроби. Проценты. Корни.

Они приходили ровно в 11, оставались полчаса и уходили с домашним заданием. Когда они приходили в следующий раз, у каждого было готово домашнее задание.

За 20 недель, за 20 совместных уроков они освоили материал 6 лет. Каждого можно было поднять ночью и спросить.

Мы отпраздновали конец курса. Это было не в первый и не в последний раз, когда я поражался успехам нашей теории. Может быть, мне бы стоило подготовиться к тому, что казалось чудом. Через неделю после окончания я разговаривал с Аланом Вайтом, который годами был специалистом по математике для начинающих в государственных школах и знал новейшие и лучшие педагогические методы.

Я рассказал ему историю моего курса.

Он не был удивлен.

«Почему нет?» - спросил я, ошарашенный его ответом. Я все еще был под впечатлением от скорости и основательности, с которыми учились мои 12.

«Каждый знает», ответил он, «что материал сам по себе совсем не труден. Трудно, практически невозможно, внедрить его в головы молодых людей, которые ненавидят каждый шаг. Единственный путь, с которым у нас есть намек на надежду, состоит в том, годами изо дня в день продвигаться по кусочкам. Но даже так не получается. Дай мне ребенка, который бы захотел научиться математике – да, примерно 20 часов, и будет результат.» Я думаю, этого хватит. Намного дольше не длилось ни разу.

Глава 2

УРОК

Мы должны осторожно обращаться со словами. Чудо, когда для двух людей они означают одно и то же. Обычно это не так. Слова как «любовь», «мир», «доверие» или «демократия» - каждый несет навстречу им свой жизненный опыт, свое мировоззрение, и мы знаем, как редко они похожи.

Возьмем слово «урок». Я не знаю, что оно означает в культурах, где нет школ. Может быть там его нет вообще. Большинство людей, читая его представляет себе множество

картин: Помещение, в котором находится «учитель» и «ученики». Ученики сидят за партами и получают от учителя «предписания». Он сидит или стоит перед ними. Фиксированное время урока, домашнее задание, учебник, где ясно изложен материал для всех учеников.

Это слово передает еще больше: скуку, растерянность, унижение, достижения, бессилие, конкуренцию.

В Sudbury Valley это слово означает нечто совсем другое.

Здесь урок – это соглашение двух сторон. Все начинается с одного или нескольких человек, которые решают, что они хотят научиться чему-то определенному – скажем, алгебре, или французскому, физике, правописанию или гончарному делу. Во многих случаях они находят, как они могут научиться этому самостоятельно. Они находят книгу или компьютерную программу, или наблюдают как это делают другие. Когда такое происходит, это не урок, это просто учеба.

Но есть случаи, когда они не могут научиться самостоятельно. Они ищут кого-то, кто может им помочь. Когда он находят, они заключают с этим человеком соглашение: «Мы делаем то-то и то-то, и ты делаешь то-то и то-то – хорошо?» Если все стороны согласны, они положили начало новому.

Тех, кто инициирует это соглашение, называют «ученики». Если они не попросят, урока не будет. В основном сами ученики выясняют, что они хотят изучать и как они смогут это сделать самостоятельно. Уроки бывают не слишком часто.

Тот, кто заключает соглашение с учениками, называется «учитель». Учителями могут быть и другие ученики школы. Обычно учителя работают по найму.

Учителя Sudbury Valley должны быть готовы заключать соглашения, которые удовлетворяют потребности учеников. Учителя пишут нам, что они хотят преподавать в нашей школе. Многие из них рассказывают долго и подробно, сколько они должны «давать» детям. Такие учителя для нашей школы не подходят. Нам важно, что ученики хотят взять, а не то что учителя хотят дать. Многим профессиональным учителям это трудно понять.

Договоренности по уроку включают все возможное: содержание и время, обязанности обеих сторон. К примеру, учитель чтобы заключить договор, должен выразить готовность встречаться с учениками в определенное время. Это время может быть постоянным: полчаса каждый вторник в 11. Или оно может быть свободным: «Если у нас будут вопросы, мы встретимся в понедельник в 10. Если их не будет, встречаемся на следующей неделе. Иногда выбирается книга, которая будет связующим элементом. Ученики должны выполнять договоренности, например, приходить точно во время. Курс заканчивается, когда обе стороны считают нужным. Если учитель понимает, что он не может предложить желаемого, он может отказаться, тогда ученики, если они все еще хотят изучать этот предмет, могут найти другого учителя.

Иногда встречается и другой вид урока, в том случае, если учитель считает, что он должен рассказать что-то новое и особенное, чего не найти в книгах и что может заинтересовать других. Он вешает объявление: «Кого интересует то-то, может прийти в четверг в 10.30 в комнату для семинаров» и ждет. Если люди придут, занятие начинается. Если нет, то нет. Люди могут прийти в первый раз, и если есть второй раз, решить не пойти.

Я проводил такие уроки несколько раз. Обычно на первую встречу приходит очень много: «Посмотрим, что он скажет.» Во второй раз уже меньше. В конце у меня осталась

маленькая группа, которая действительно интересовалась тем, что я рассказывал. Для них это было развлечением, для меня – способом рассказать о том, как мы думаем.

Глава 3

УПОРСТВО

Снова вопрос слов. Так, как я описал, учеба кажется бессвязной, случайной. Сегодня так, завтра так. Недисциплинированно, хаотично.

Часто я хочу, чтобы так и было.

Сразу после открытия школы к нам пришел 13-летний Ричард, и скоро он был занят лишь классической музыкой – игрой на трубе. Через короткое время он был уверен, что нашел главный интерес своей жизни. С Яном, трубачом, занятым в школе учителем, который мог ему помогать, он погрузился в свои упражнения.

Ричард играл на трубе 4 часа в день. Мы едва могли поверить. Мы предлагали ему другие вещи, но это не помогало. Чем бы Ричард не занимался в школе, а он занимался многим, он всегда находил 4 часа для игры на трубе.

Он приезжал из Бостона. 1 & ½ часа пути каждое утро и после обеда, часто полчаса или дольше пешком до автобусной остановки во Фрэммингеме. Как почтальон: в дождь и жару, град и снег Ричард приходил в школу и раздражал наши уши.

Скоро мы открыли преимущества старого склада на пруду. В наших и Ричарда глазах это старое заброшенное здание из гранита с шиферной крышей в заброшенном углу территории школы вдруг стало привлекательным. В мгновение оно было превращено в музыкальную студию, в которой Ричард мог играть от души.

Он тренировался.

4 часа и больше в день, 4 года.

После того как он ушел из школы и закончил образование в консерватории, Ричард играет первую трубу в большом симфоническом оркестре.

После Ричарда пришел Фред, страстью которого были ударные. Ударные до полудня, ударные после полудня и ударные вечером. Мы больше не могли выносить шум. Поэтому мы должны были быстро действовать. Мы оборудовали комнату для ударной установки в подвале и дали ему ключ, чтобы утром, вечером и по выходным мог там играть.

Мы заметили, что подвал не был акустически полностью изолирован от остальной части дома. Часто казалось, что мы поблизости от деревни в джунглях, с ревом барабанов на заднем плане.

Через 2 года, в 18 лет, он покинул школу. Мы любили его, но многие из нас почувствовали облегчение.

Не только музыка может пробудить сильное упорство, которое есть в любом из нас. Каждый ребенок быстро находит одну-две области, в которых он неуклонно продвигается.

Иногда это не только материал, который доставляет удовольствие. Каждый год некоторые из старших учеников, которые твердо решили поступить в колледж, сидят над SAT (Scholastic Aptitude Tests) тестами, «тестами пригодности», на которые опираются колледжи при принятии решения о зачислении. Обычно подростки находят учителя, которые помогают им в трудных вопросах. Но работают они полностью самостоятельно. Они таскают от комнаты в комнату толстые экзаменационные книги и очень внимательно их изучают, страницу за страницей. Это процесс всегда очень интенсивный. Редко он длится более 4-5 месяцев от начала до конца, хотя большинство до этого никогда данной темой не занимались.

Есть писатели, которые пишут каждый день часами. Есть художники, которые рисуют, гончары, которые мастерят, повара, которые готовят и атлеты, которые занимаются спортом.

Есть люди с обычными интересами. И есть люди с экзотическими интересами.

Люк хотел работать в похоронной фирме – не очень обычное желание для 15-летнего. Но у него были свои основания. Он имел ясное представление, каким образом его похоронная фирма заботится о потребностях общества, и как он сам соболезнует родственникам.

Люк с восторгом принялся за учебу: физика, химия, биология, зоология. В 16 он был готов для самой работы. Шеф-патологоанатом региональной больницы принял старательного ученика в свою лабораторию. Люк каждый день учился новому и совершенствовался к радости своего шефа. В течение года он под надзором своего учителя самостоятельно проводил в больнице аутопсию. В первый раз больница разрешила что-то подобное.

В течение 5 лет Люк овладел профессией. Сейчас, несколько лет спустя, его похоронная фирма стала реальностью.

И потом был Боб.

Однажды Боб подошел ко мне и спросил: «Ты научишь меня физике?» У меня не было оснований для скептицизма. Боб уже сделал так много вещей хорошо, и мы знали, что он мог видеть результат. Он руководил издательством школы. Он подробно исследовал юридическую систему школы и написал о ней книгу. Он посвятил бесчисленные часы игре на фортепьяно.

И так, я наконец согласился. Наша договоренность была простой. Я дал ему толстую и тяжелую книгу для колледжа о введении в физику. Я часто преподавал по ней, и когда я только начинал, сам использовал раннюю версию. Я знал ловушки. «Пройди книгу, страницу за страницей.», сказал я Бобу, «и приходи ко мне, если будет даже небольшая трудность. Трудности лучше устранять вовремя, пока они не превратились в снежный ком.» Я думал, что знаю, где Боб в первый раз споткнется.

Проходили недели, месяцы.

Боба не было.

Это не было на него похоже, бросать начатое, до того – или сразу после того, - как он вработался. Я спрашивал себя, не потерял ли он интерес. Я молчал и ждал.

Через 5 месяцев после того, как он начал, он спросил, можно ли со мной поговорить. «У меня проблема на странице 252», сказал он. Я попытался не выказывать удивления.

Понадобилось 5 минут, чтобы разъяснить его проблему.

С вопросами по физике Боб больше не приходил. Он одолел книгу самостоятельно. И он занялся алгеброй и дифференциальными уравнениями, не прося меня ему помочь. Я

думаю, он знал, что я бы это сделал.

**** Американские школьники обычно стесняются работать вместе с младшими или менее успешными учениками.□***

ИСКУССТВО, НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ

Ханна Гринберг□

"Где ты работаешь?"

"В школе Sudbury Valley."

"Что ты там делаешь?"

"Ничего."□

Ничего не делать в школе Sudbury требует много энергии и дисциплины, и кроме того долголетнего опыта. В ничегонеделании я каждый год совершенствуюсь, и мне доставляет удовольствие наблюдать, как мои коллеги сражаются со своими внутренними конфликтами, которые неизбежно возникают в каждом из нас. Конфликт между желанием помогать другим, передавать трудом накопленные знания, и правилом школы, по которому дети должны учиться согласно собственной режиссуре и с их собственной скоростью. Они просят нас о помощи, когда они этого хотят – не тогда, когда этого хотим мы. Мы должны быть на месте, когда мы действительно требуемся, а не только это себе воображаем.

Преподавать детям что-нибудь, давать им советы, это естественные вещи, которыми, как кажется, занимаются взрослые во всех культурах и странах. Без этих видов активности каждое поколение должно бы все изобретать заново, от колеса до 10 заповедей, от обработки металла до сельского хозяйства. Предыдущее поколение передает свои знания последующему дома, в общественных сферах, на работе и, очевидно, в школе. К сожалению, школы тем сильнее вредят детям, чем больше они стремятся дать им индивидуальные предписания и руководство. Это высказывание требует разъяснений, т.к. кажется, что оно находится в противоречии с тем, что я говорила ранее, а именно, что родители постоянно помогают детям учиться находить свое место в мире. В результате длинного и болезненного процесса в течение многих лет я поняла, что важные для их жизненного пути решения дети принимают таким способом, какой никакой взрослый не может для них предусмотреть или запланировать. Подумать о том простом факте, что в SVS (Sudbury Valley School) многие ученики решают изучать алгебру. Они должны преодолеть страх, чувство недоступности и недостаток дисциплины. Снова и снова ученики достигают поставленных ими самими

целей, делают большие шаги к укреплению самосознания, веры в себя и характера. Но почему этого не происходит в High School, где все дети обязаны выбирать алгебру? Ответ прост. Чтобы преодолеть психический барьер, нужно быть готовым принять личное обязательство. Такое душевное состояние достигается только с помощью наблюдения и самоанализа и не может быть кем-то предписано или создано для группы. В любом случае это внутренняя полемика, и, если результат удачен – индивидуальный триумф. Учителя могут только помогать, когда их об этом просят, и их вклад незначителен по сравнению с работой, которую осуществляет ученик.

Пример с алгеброй легок для понимания, но он не так показателен, как два примера, на которые я обратила внимания во время практики. Это была одна девочка, которая стояла ко мне очень близко, и поэтому я подумала, что «направила» ее. Меня очень удивило, когда вопреки моей «уверенности», она решила, что более целесообразно для нее будет использовать время на социализацию и организацию танцев, вместо того чтобы улучшать литературные навыки, которые ей бы понадобились для журналистской карьеры, к которой она стремилась. Ни один из взрослых, который помогал этим ученикам, не пришел бы к мысли ей такое посоветовать. Она сама приняла мудрое решение, полагаясь на внутренние знания и инстинкт. Она сама увидела свои проблемы и смогла решить их творческим образом посредством того, что она не наблюдала людей издали, а общалась с ними, она узнала о них больше и пришла к глубоким выводам, которые улучшили литературные навыки. Смогли бы письменные упражнения по английскому помочь ей больше? Я сомневаюсь.

Или ученица, которая сначала очень охотно читала, но через некоторое время в SVS перестала испытывать радость от чтения? Долгое время у нее было чувство, что она потеряла свое честолюбие, интеллект и радость от учебы. Все что она делала – играла снаружи. Через несколько лет ей стало ясно, что она закопалась в книгах, чтобы сбежать от внешнего мира. Как только она стала в состоянии решать свои социальные проблемы и находиться во внешнем мире, наслаждаясь физической активностью, она вернулась к своим любимым книгам. Для нее они больше не были убежищем, а окном к знаниям и новому опыту. Мог бы какой-нибудь учитель так мудро направить ее, как она сама это сделала? Я думаю, нет.

Когда я это писала, то вспомнила пример несколько лет назад. Он показывает, как обычные способы одобрения и поощрения могут быть контрпродуктивными и ограничивающими. Ученик, о котором речь, был очень умным, прилежным и любящим учиться. Тесты показали, что у него талант к математике. Но за 10 лет, которые он провел в SVS, он занимался в основном спортом и литературой. Позже, будучи тинейджером, он исполнял классическую музыку на фортепиано. Алгебру он изучал преимущественно самостоятельно, математике, как казалось, посвящал лишь малую часть своего времени. Сейчас, в возрасте 24 лет, он получил диплом по абстрактной математике и исключительно успешен в лучших университетах. Я страшусь мысли, что бы из него вышло, если бы мы ему все эти годы «помогали» ему грести знания по математике – за счет занятий, которые предпочитал он. Хватило бы ему, когда он был маленьким мальчиком, сил, противостоять нашим похвалам и лести, и оставаться с его книгами, спортом и музыкой? Или он решил бы стать отличником по математике и естественным наукам и вырос бы с неутоленной жадой знаний в других областях? Или он бы попробовал делать все? И какой ценой?

Как контрапункт к предыдущему примеру я хотела бы описать другой случай, который

показывает следующий аспект нашей деятельности. Несколько лет назад одна ученица, которая была в SVS с 5 лет, сказала мне довольно разъяренно, что она растратила два года и ничему не научилась. Я не разделяла ее мнение, но не хотела с ней спорить и просто сказала: «Если ты научилась, как плохо растрачивать время зря, то ты научилась тому, что никогда не рано знать – урок, значимый для всей твоей жизни.» Этот ответ ее успокоил, и я думаю, этот случай показывает, как важно разрешить молодым людям делать ошибки и учиться из них, вместо того чтобы прилагать усилия на предотвращение ошибок и управлять т.о. их жизнями.

Почему бы не дать всем детям право самим решать, что им делать со своим временем? Это бы повысило вероятность того, что растущие люди смогут удовлетворить их собственные индивидуальные потребности в образовании, без того, чтобы мы, взрослые – которые никогда не могут знать достаточно, чтобы направить детей правильным образом – им мешали.

И так я постоянно учу себя ничего не делать, и чем лучше у меня это получается, тем качественнее моя работа. Пожалуйста, не делай из этого вывод, что персонал излишен. Может быть, ты скажешь мне, что в школе ученики практически сами себя направляют. Зачем тогда столько персонала, который сидит и ничего не делает? В действительности школе и ученикам мы нужны. Мы там, чтобы присматривать за школой как организацией и за учениками как личностями и заботиться о них.

Процесс самоопределения, поиска своего пути, действительно жить своей жизнью, а не просто заполнять время – это естественно, но для детей, которые растут в нашей цивилизации, не само собой разумеющееся. Чтобы достичь этого духовного состояния, им нужно окружение, которое будет им как семья, больше, чем маленькая семья, но поддерживающая и надежная. Посредством того, что персонал внимателен и заботлив, но не руководит и не мешает, он дает детям смелость и силу слушать их внутренний голос. Они знают, что мы так же компетентно можем их направить, как любой другой взрослый; но наше нежелание это делать – педагогический инструмент, который мы активно используем, чтобы помочь им слышать только себя, а не других, которые знают, в лучшем случае, только половину фактов о них.

То, что мы не говорим ученикам, что им делать, не воспринимается ими как недостаток или пустота. Для них это импульс к поиску собственного пути, не под нашим руководством, но при нашем сопереживающем и поддерживающем участии. Это может процветать только в живом и сложном сообществе, а не в безвоздушном пространстве; и это сообщество должно персоналом стабилизироваться и охраняться.

КАКАЯ РАЗНИЦА, УЧИТСЯ ЛИ ОН В ШКОЛЕ SUDBURY ИЛИ ДРУГОЙ?

На наших информационных встречах один скептически настроенный отец поставил очень прямой вопрос. Он объяснил, что после того, как он увидел выпускников SVS, он убедился, что этот вид образования не мешает детям в их будущих академических устремлениях и карьере. Но если нет разницы, выбирать тот или другой путь, зачем тогда отправлять ребенка в школу Sudbury? Этот вопрос несколько дней не выходил у меня из головы. Это была такая хорошая возможность объяснить, почему наша форма образования так важна, и я ей не воспользовался. Сейчас я бы охотно ответил ему еще раз, воспользовавшись возможностью подумать.

Если бы академические навыки и измеримо «успешная» карьера были в жизни всем, я бы действительно спросил себя, не прав ли этот скептический отец. Но жизнь гораздо содержательнее и сложнее чем степени и уровень заработка. На практике действительно важные в жизни вещи не измеряются «объективными» стандартами. Логического мышления и интуитивного знания достаточно для примеров. Может быть для будущей встречи мы сможем убедить одного-двух выпускников Sudbury Valley прийти к нам и послужить показательными образцами, чтобы доказать то, о чем я говорю (или опровергнуть).

Детям которым помногу раз в день говорится, что они должны делать и как они должны это делать; детям, которым редко позволено делать ошибки; дети которые с утра допоздна выполняют заранее предписанные задания; детям, которых негативным образом выделяют, если они не идут в ногу с большинством; детям, которым дают понять, что все, что они учат, проверяется и другие решают, выучили ли они материал – эти дети отличаются от детей, которым разрешается рисковать, там и тут терпеть неудачи и снова пытаться; от детей, которым разрешено самим решать, чем они интересуются, которым разрешается выяснять самим, что им делать, чтобы что-то произошло; от детей, которым разрешается находить учителей, с которыми они хотят это делать; и от детей, которые сами решают, чего и когда они хотят достичь, и которые проводят свою жизнь в сообществе, где дети имеют право голоса. Можно с уверенностью говорить, что в SVS дети приобретают определенные черты характера и убеждения, особенно, если они проводят там многие годы.

Я вижу 6 основных качеств (и многие другие, которые с ними связаны, которые я бы тоже хотел обсудить, когда для этого будет место), которым школы модели Sudbury значительно больше благоприятствуют, чем традиционные школы. Их идентификация – конечно, сильное упрощение сложного процесса, поэтому простите меня, что я все-таки использую эти категории.

Самоуважение: Самоуважения ученики достигают через комбинацию двух вещей: иметь время, чтобы действительно познакомиться с собой, и довериться собственным представлениям о своей жизни. Самоуважение также возникает посредством того, что по отношению к ним самим проявляется уважение. Это качество помогает им обогащать их жизнь, тем, что оно позволяет им, к примеру открыто и уверенно говорить с экзаменатором в колледже или выступать перед публикой, наращивая запас любви к себе, который необходим, чтобы заботливо и уважительно обходиться с другими.

Личная мотивация: Когда дети делают то, чем они интересуются, они действительно интересуются тем, что делают. Маленьким детям не надо «учиться» этому качеству. Для них оно естественно как дышать. Но старшим школьникам нужно время, чтобы снова узнать свою внутреннюю мотивацию. Ученики, которые в традиционных школах были «неуспешными», выгорели. Ученики, которые были «успешными», стали зависимы от вознаграждения, которое они получали за то, что были «хорошими учениками». Когда у людей есть своя собственная мотивация, они могут совершать рискованные поступки, которые делают жизнь стоящей – заниматься своими собственными делами, преследовать цели, расширять ум и сердце. Эти люди предпочитают активность пассивности. Они интересуются выяснением того, почему другие люди поступают так, а не иначе.

Выдержка: Если ты хочешь увидеть выдержку, посмотри, как ребенок учится ходить: два шага, падение, встал, еще три шага, упал, встал... Чтобы упорно преследовать цель,

нужно сконцентрироваться, иметь достаточно времени, и никто не должен прерывать. В школе Sudbury ученики могут неделями и месяцами проводить время над одной темой. Музыканты импровизируют часами. Пара ребят строят днями один и тот же город. Никакого звонка на перемену, призывающего выйти из комнаты. Ни у кого нет права прерывать занятие другого. Каждые 40 минут менять тему или предмет, как это принято в обычной школе, влияет поразительно на способность к выдержке. Каждый знает, что значит выдержка на рабочем месте. Можно взять разницу между просмотром 30-минутного телешоу (о чем бы там не шла речь) и притягательной силой, погрузиться в книгу, в которой рассказывается о чем-то действительно интересном.

Личная ответственность: Ответственность и свобода – две стороны одной медали. Если детям не разрешается принимать реальные решения по вопросам их жизни, они не смогут научиться личной ответственности. Если рыбка Джонни умрет, потому что он забыл ее покормить, или Сюзи уволят, потому что она постоянно опаздывает, это неоценимый урок ответственности. Наше общество склонно защищать детей от опасностей, которым они подвергаются, когда залезают высоко наверх, от холода, если забудут свою куртку, от ошибок, которые они могут допустить при подготовке в колледж. Наше защитничество снова и снова дает им понять, что им не нужно отвечать за себя, потому что это уже делает кто-то другой. Если ученики растут сознательными, они не будут искать отговорки для своего поведения. Они не жертвы и не участники по принуждению. Они сами выбирают свой путь и готовы преследовать его до конца и взять на себя ответственность в случае неудачи.

Творчество: Творчество в школе модели Sudbury находит свое место во всех областях школьной жизни. Ученики Fairhaven School полагаются на собственные творческие способности, начиная от строительства моста через реку, поиска денег для видеокамеры до подходящего предложения в юридический комитет относительно плевания из трубочек. Сегодня много трубят о значении творчества. И они правы. 21 век будет полон вызовов, на которые старые решения не смогут дать удовлетворительного ответа. Навыки, которые будут требоваться от работника 21 века, сильно отличаются от тех, которые были нужны нашему поколению. Человеческое творчество и гибкость будут основными требованиями выживания.

Компетентность: Эта характеристика для людей из школы Sudbury, возможно, не совсем точна. Собственно, это смесь из доверия, творчества и выдержки. Но со временем люди, которые, преследуя свои цели, постоянно используют сердце, руки и ум, хорошо делают свое дело. Научиться чему-то самостоятельно – это навык, и с практикой он совершенствуется. Когда ученик школы Sudbury хочет получить знания по какому-либо вопросу, они спрашивают любого, который, как они думают, мог бы им помочь, ищут в интернете, читают, играют с какими-нибудь деталями, берут в руки разные вещи и думают; они пытаются, терпят неудачу и снова пытаются... Они находят лучший для себя путь, чтобы обработать информацию. Они знают, в каком темпе быстрее всего продвигаются вперед, и они знают также, когда они достаточно научились.

Когда мы объединим все эти качества и способности, мы сможем представить выпускника школы Sudbury, к примеру, автомеханика. Он уважает себя, т.к. знает, что может выполнить сложную работу, и общается с клиентами с достоинством; он несет ответственность за правильное выполнение работы, у него есть мотивация, продолжать работу в своей области, творчество, чтобы продумать сложную проблему машины и

решить ее по-новому, выдержка, работать над задачей, пока он ее не решит, компетенция, чтобы знать, где он сможет получить помощь, когда она будет нужна, компетенция, чтобы задавать верные вопросы и что-то делать с ответами. И дома он живет, интересуясь происходящим вокруг, с заботой и вниманием в отношениях с семьей и друзьями, с ответственностью за свои действия... Я иду слишком далеко? Возможно. Но школе Fairhaven лучше, чем любой традиционной школе удастся сохранить и усилить эти качества учеников. И опыт нахождения в сообществе, где эти качества действительно ценят, обогащает жизнь учеников Fairhaven еще долго, после того как они покинут школу.

Перевод: *Ирина Беренс*